

УДК 94(470.6).083

М. Е. Колесникова, С. И. Маловичко

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XIX – НАЧАЛА XX вв.: НАЧАЛО НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РЕГИОНА (ЧАСТЬ 2)

В серии статей изучается проблема функционирования разных форм исторического знания в межкультурном пространстве Северного Кавказа XIX – начала XX вв. Во второй статье обращено внимание на становление научной модели изучения истории Северного Кавказа, что было связано с деятельностью Санкт-Петербургской Академии наук, которая организовала комплексные экспедиции, начиная со второй половины XVIII в. и в начале XIX в. В ходе академических экспедиций шло накопление фонда знаний по различным вопросам истории и культуры народов Северного Кавказа, определялась проблематика кавказоведения. Главными центрами по изучению региона стали столичные научные общества России, такие как Императорское Русское Географическое общество, Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Императорское Московское археологическое общество, Императорская Археологическая комиссия. Их исследовательские программы по изучению истории, археологии и

этнографии Северного Кавказа, а также методы работы способствовали оживлению научного интереса к историческому прошлому края, консолидации местных исследовательских сил и развитию северокавказской историографической традиции. Ключевую роль в развитии исторических исследований на Северном Кавказе сыграл V (Тифлиссский) Археологический съезд (1881 г.), положивший начало систематическому изучению региона силами провинциальных исследователей, наметивший задачи и перспективы развития кавказоведения вплоть до наших дней. Делается вывод, что характер взаимодействия столичных и провинциальных научных учреждений и обществ, специфика деятельности отдельных регионоведов повлияли на процесс становления научной традиции изучения истории Северного Кавказа.

Ключевые слова: историческое знание, научная модель истории, Санкт-Петербургская Академия наук Императорская Археологическая комиссия, научное общество.

M. E. Kolesnikova, S. I. Malovichko

HISTORICAL KNOWLEDGE IN THE INTERCULTURAL SPACE OF THE NORTH CAUCASUS IN XIX – EARLY XX CENTURIES: THE BEGINNING OF THE RESEARCH IN THE HISTORY OF THE REGION (PART 2)

A series of articles deals with various forms of historical knowledge in the intercultural space of the North Caucasus in the XIX – early XX centuries. Article 2 features formation of an academic model of research in the history of the region. It was due to the activities of St. Petersburg Academy of science, which was arranging expeditions from the mid – XIX to the early XX centuries. The expeditions accumulated bulk of knowledge about the history and culture of local peoples. The main centers for regional studies were located in Russian capitals: Imperial Russian Geographic Society, Imperial Society of Devotees of Science, Anthropology and Ethnography, Imperial Moscow Archaeological Society and Imperial Archaeological Commission. Their research programs on history, archaeology and ethnography of the North Caucasus as well as the research meth-

ods prompted the revival of academic studies of the historic heritage of the region, consolidation of local researchers' efforts and development of the regional Historiographical traditions. The V (Tiflis) Archaeological congress (1881) became the starting point to systematic studies of the region by local researchers. The congress also defined objectives and directions of development of region studies, which are valid up to the present time. To conclude, the interaction of metropolitan and local academic institutions, societies and particular researchers determined the process of formation of the academic tradition of the North Caucasus historical studies.

Key words: historical knowledge, academic model of history, St. Petersburg Academy of science, Imperial Archaeological Commission, academic society.

В XIX – начале XX вв. в межкультурном пространстве Северного Кавказа происходят процессы трансформации и смены форм исторического знания. В первую очередь эти изменения касаются функционирования исторического знания в культурных пространствах северокавказских народов. По сути, в этих пространствах заметны три обуславливающих друг друга процесса: утрата традиционной устной формы поддержания исторической памяти, синтез исламской и европейской моделей историописания и переход от практики устной истории к европейской классической модели исторической науки. Во второй статье мы подробно остановимся на практике становления и развития научного изучения Северного Кавказа, анализе пришедшей на Северный Кавказ европейско-русской практики истории, разрыве и трансформации практик использования истории в местном и российском социокультурных пространствах Северного Кавказа. Сразу хотим пояснить два важных момента присутствующих в исследовании: 1) слово «разрыв» и «трансформация», являются рабочими понятиями, они не в полной мере соответствуют всем рассматриваемым в статье явлениям, связанным с функционированием исторического знания на Северном Кавказе; 2) наш анализ истории научного изучения региона будет касаться пространств Западного и Центрального Предкавказья.

Изучение региона в XIX – начале XX вв. осуществлялось в динамичных условиях, связанных с процессами колонизации и освоения северокавказских территорий различными способами, в уникальной геополитической ситуации и природно-климатической среде. Удаленность его от столичных научных центров, приоритетное влияние на познавательный процесс академической гуманитарной науки определили специфику функционирования разных форм исторического знания и зарождения местной историографической традиции. Последняя, прошла путь от накопления сведений о народах Северного Кавказа и проведения первых научных исследований региона в ходе комплексных академических экспедиций и военных экспедиций до создания местного научного общества и региональных научных структур, объединивших усилия со столичным академическим научным сообществом по формированию целого пласта исторических сочинений и изданий. При этом доминирующую роль в изучении региона играло «правительственное» направление, что было обусловлено официальной политикой вовлечения Северного Кавказа в российскую импер-

скую систему в рассматриваемый исторический период, вследствие чего приоритеты научных исследований определялись государственными интересами.

Во второй статье мы последовательно рассмотрим вопросы: 1) становление научной практики изучения прошлого Северного Кавказа: деятельность Санкт-Петербургской Академии наук; 2) научно-исследовательскую деятельность столичных научных учреждений и обществ по изучению Северного Кавказа.

Нам представляется, что в качестве удобной материализованной метафоры встречи представителя столичного научного учреждения и северокавказской традиции можно привести скульптурную композицию «Этнограф М. М. Ковалевский и таубий Исмаил Урусбиев», выполненную карачаевским скульптором Х. Крымшамхаловым в 1976 г. Композиция запечатлела рабочий момент сбора полевого материала: с одной стороны, – в традиционном кавказском костюме знаток карачаево-балкарских сказаний таубий (князь) И. Урусбиев (1831–1888), с другой стороны, – в европейском костюме известный российский ученый, профессор Московского университета М. М. Ковалевский (1851–1916), делающий запись в блокноте. Здесь традиция (обычай) противопоставлена прогрессу (науке). Этой скульптурной композицией скульптор передал сформированное в тот период системой образования и возвращенное эпохой модерна убеждение в неизбежности победы прогресса над устаревающей традицией. Конечно, такое убеждение было пропитано идеологией сциентизма, предполагающей победу научного знания над «ненаукой».

Становление научной практики изучения прошлого Северного Кавказа: деятельность Санкт-Петербургской Академии наук

Начало научного изучения региона связано с деятельностью Санкт-Петербургской Академии наук, которая с конца XVIII в. организовывала комплексные экспедиции, в ходе которых шло накопление фонда знаний по различным вопросам истории и культуры народов Северного Кавказа, определялась проблематика кавказоведения. Перед учеными была поставлена задача – связать изучение края с потребностями его дальнейшего развития, дать практические рекомендации по использованию его ресурсов. Задачи академических экспедиций, снаряжавшихся на Северный Кавказ, были обширными и охватывали разносторонний спектр исследований, начиная от «естественно-исторических и физико-географических наблюдений» и заканчивая изучением истории,

обычаев и нравов местных жителей, обследованием археологических памятников. Деятельность «академических экспедиций» в области исторических исследований развивалась по двум направлениям: научно-поисковому (сбор исторических источников) и научно-исследовательскому (написание обобщающих трудов). Особенностью их было повышенное внимание к сбору «фактических сведений» (исторических источников) о различных сторонах жизни и деятельности народов, населяющих регион, об этнических процессах, о значимости природно-географического фактора в жизни местного населения. Уже тогда четко наметился постепенный переход от констатации какого-либо факта к наблюдениям, выявлению взаимосвязи различных процессов, установлению причинно-следственных связей. Все это было связано с качественно новым этапом в становлении вспомогательных и специальных исторических дисциплин, прежде всего источниковедения. Источниковедческие изыскания стали важной частью классической европейской исторической науки. Вырабатывались и первые теоретические представления об историческом источнике, составлялись их списки, закладывались основы археографии.

Среди участников экспедиций было достаточно много иностранцев, принявших русское подданство, находящихся на русской службе и производивших исследования на средства российского правительства по специально разработанным программам. Это и И.-А. Гильденштедт, возглавивший экспедицию на Северный Кавказ и в Грузию, С.-Г. Гмелин – на Северный Кавказ, в Дагестан и Азербайджан, И. П. Фальк – в Восточное Предкавказье, П.-С. Паллас – на Северный Кавказ. Они собрали богатый материал, который лег в основу капитальных трудов об истории и культуре народов Кавказа.

В 1807–1808 гг., на Северном Кавказе работала последняя «академическая экспедиция», которую возглавлял немецкий лингвист-ориенталист академик Генрих-Юлиус Клапрот (1783–1835). Целью экспедиции было проведение историко-лингвистических и этнографических исследований на Северном Кавказе и в Грузии, общее ознакомление со вновь приобретенными территориями. Программа была разработана при участии Я. Потоцкого, академиков А. Х. Лерберга и Ф. И. Круга. В предисловии к первому изданию своего «Описания» Клапрот отметил маршрут экспедиции: «В ноябре того же года [1807] я продолжил свой путь на юг через Донскую степь в Георгиевск, столицу Кавказской провинции, где добыл сведения,

касающиеся черкесов и племен, проживающих на другой стороне Кубани. Я исследовал руины Маджара на Куме, минеральные источники первых Кавказских гор и Бештау; посетил английскую миссионерскую колонию на этой горе и собрал языковые образцы и древности этих краев... В Моздоке я добыл наилучшие сведения касательно осетин и кистов, частью от самих местных жителей и частью с помощью любезного вмешательства иезуитов, имеющих здесь дом и отправляющих службу в католической церкви. Из Моздока мой путь лежал через Малую Кабарду во Владикавказ, что на Тереке, а оттуда вдоль обоих берегов этой реки через узкую долину, по которой она течет и которая некогда была заперта знаменитыми Кавказскими Вратами. Я покинул Терек у осетинского села Коби и 26 декабря пересек покрытую снегом горную цепь под названием Гуд, или Крестовая гора...» [27, с. 5]. В 1807 г. Клапрот побывал в Ставрополе и Георгиевске, посетил район Пятигорья, осмотрел развалины Маджар и через Владикавказ отбыл в Тифлис. Из Тифлиса летом 1808 г. он вновь отправился на Северный Кавказ и посетил Малую и Большую Кабарду, проехал вдоль Кавказской укрепленной линии до устья Лабы, затем через Ставрополь вернулся в Санкт-Петербург.

Экспедиция собрала богатый этнографический, нумизматический и лингвистический материал. Клапрот выполнил первое подробное описание «племенного состава населения Северного Кавказа, социально-политического строя, нравов, обычаев горских народов (адыгейских племен, абазин, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, ингушей, осетин). Имея общелингвистическую подготовку, владея рядом восточных языков, Клапрот уточнил лингвистическую классификацию народов Северного Кавказа. Путевые дневники и записи Клапрота легли в основу его научных работ о Кавказе и Грузии, в которых он описал свое путешествие. Двухтомный труд о Кавказе и Грузии, изданный Клапротом первоначально на немецком языке в Галле и Берлине в 1812 г., стал важным источником по истории и этнографии народов Северного Кавказа. Большое внимание в своем труде Клапрот уделил христианским древностям, впервые отнеся верхнекубанские храмы к числу аланских памятников. Шестая глава «Описания» Клапрота посвящена древнему Маджару. Он дает подробное описание местонахождения археологического памятника, приводит сведения И. Г. Гербера, С.-Г. Гмелина, П.-С. Палласа, И.-А. Гюльденштедта и Я. Рейнегса о нем, фиксирует особенности погребального обряда, публикует надписи с мусульманских надгробий,

первым в историографии привлекает местную устную традицию в качестве исторического источника, обратив внимание на происхождение названия города и на рассказы балкарцев, в которых утверждалось, что их предки пришли из Маджара. Как отметил Л. И. Лавров, начиная с экспедиции Клапрота гуманитарное направление в кавказоведении «завоевало право на самостоятельное существование» [28, с. 7]. Вместе с тем, естественно-научные экспедиции И. Ф. Паррота и М. Ф. Энгельгарда на Северный Кавказ и в Закавказье (1811–1815), Э. И. Эйхвальда в Закавказье и Дагестан (1826–1827), А. Д. Нордмана в Западную Грузию и Абхазию (1835) попутно продолжали собирать материалы по истории, этнографии и археологии. Так, например, в изданном в 1838 г. в «Библиотеке для чтения» «Путешествии профессора Эйхвальда по Каспийскому морю и по Кавказскому краю» содержится различного рода историческая, этнографическая и археологическая информация.

Академические труды по истории и культуре народов Северного Кавказа оказали непосредственное влияние на исторические сочинения, которые, как и различного рода описания, докладные записки и путевые заметки того времени, принадлежали непосредственным участникам и наблюдателям исторических событий (преимущественно офицерам и чиновникам) и в большинстве своем имели военно-стратегический характер и были выполнены в форме военно-топографических, военно-статистических, статистико-географических и историко-географических описаний. Среди них работы П. Г. Буткова, С. М. Броневского, И. Ф. Бламберга, И. Д. Дебу, И. Шаховского, Г. Новицкого, П. Зубова, Н. Н. Забудского, Н. Ф. Дубровина, А. Л. Зиссермана, П. П. Короленко, И. С. Кравцова, И. Д. Попко, В. А. Потто, Д. Романовского, К. Ф. Сталя, В. Г. Толстова, Р. А. Фадеева, Е. Д. Фелицына, Ф. А. Щербины, С. Эсадзе, А. Юрова и др. Определенную роль в изучении региона сыграли военные научные экспедиции (например, генерала Емануеля в 1829 г. на Эльбрус и в Верхнее Прикубанье) и миссии, которые являлись своеобразным интеграционным механизмом в культурной сфере. Из среды военных вышли многие северокавказские интеллектуалы и общественные деятели: Ш. Б. Ногмов, Хан-Гирей, Казы-Гирей, М. Кодзов, Б. Айдемиров, С.-Б. Абаев и др.

Научно-исследовательская деятельность столичных научных учреждений и обществ по изучению Северного Кавказа

Во второй половине XIX – начале XX в. главными центрами по изучению региона стали на-

учные общества России, такие как Императорское Русское Географическое общество (с 1845 г.) и его Кавказское отделение (с 1850 г.), Императорское Русское Археологическое общество (с 1846 г.), Императорская Археологическая комиссия (с 1859 г.), Общество любителей естествознания (с 1863 г.), Императорское Московское археологическое общество (с 1864 г.), Русское историческое общество (с 1866 г.) и др. Все они сыграли значительную роль в развитии отечественного кавказоведения. Их деятельность нашла поддержку среди местной администрации, оказавшей финансовую помощь в изучении края, местной интеллигенции и военных, которых активно вовлекали в исторические, археологические и этнографические исследования. Их исследовательские программы по изучению истории, археологии и этнографии Северного Кавказа, а также методы работы способствовали оживлению научного интереса к историческому прошлому края, консолидации местных исследовательских сил. В этот период уже не проводились комплексные экспедиции, что было связано с изменением исследовательских задач. Потерял свое значение энциклопедический подход к изучению древностей. Изменилась в целом и общественно-политическая ситуация на Северном Кавказе. Теперь актуальной была культурно-просветительская политика российского правительства, направленная на мирное решение имевшихся в регионе проблем. По-прежнему важной была задача изучения истории, археологии и этнографии северокавказских народов. Все это должно было сделать северокавказское пространство понятным для включения в общероссийский исторический процесс.

История этнографического изучения народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. связана с деятельностью Императорского Русского Географического общества (РГО) и его Кавказского отделения, которое сыграло определенную роль в формировании научно-исторических взглядов и интересов провинциальной интеллигенции. Этнографические экспедиции Кавказского отделения РГО вовлекали в занятия по изучению истории и этнографии народов региона многих оказавшихся на Северном Кавказе российских военных, чиновников и учителей с университетским образованием. Так, в середине XIX в. сбором этнографических сведений о черкесах занимался член общества Л. Я. Люлье [29]. Большое внимание он уделял изучению устной традиции, благодаря которой, как он считал, память о предках не останется «в забвении». Среди первых 16 членов-осно-

вателей Кавказского отдела РГО был и известный лингвист и педагог, просветитель народов Кавказа П. К. Услар. Его исследовательская деятельность, научное изучение языков северокавказских народов, создание алфавитов для кабардинцев, адыгов, чеченцев, дагестанцев и других народов, труды «Древнейшие сказания о Кавказе», «О распространении грамотности между горцами» и др. открыли для науки новый лингвистический мир горских народов [44; 45]. В основу этнографических занятий им был положен научный подход.

Практика этнографических и статистических описаний территорий, ставшая распространенной с 80-х гг. XIX в., продолжила традицию «военно-разведывательного» описания племен и местностей Кавказа. Обществом были разработаны и разосланы специальные вопросники, ответы на которые давали разностороннюю информацию по истории и этнографии различных местностей. Частично она публиковалась в ученых записках общества и на страницах созданного научно-популярного этнографического журнала «Живая старина». Значительное количество этнографических описаний отложилось в научном архиве РГО [25]. При Кавказском отделе РГО был создан музей, которым с 1851 по 1863 гг. заведовал Ф. С. Байерн [2]. Отличительной чертой развития этнографии в этот период было сближение ее с историей, археологией, антропологией, что заметно в трудах этнографов-любителей, публиковавшихся в изданиях общества: «Записках Императорского Русского Географического общества» (СПб.), «Известиях Русского Географического общества» (СПб.), «Записках Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества (с 1852 г., Тифлис), «Известиях Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества» (с 1870 г., Тифлис).

В ответ на распространяемые обществом анкеты, вопросники и программы через губернские и областные статистические комитеты и административные власти в губерниях и областях собирались сведения о памятниках старины Северного Кавказа. Так, в 1886 г. сведения о раскопках в горной Чечне и Западном Дагестане по поручению Кавказского отдела РГО подготовил и представил К. Н. Россиков [6, с. 34–41]. Традиция работы с провинциальными корреспондентами и публикации их материалов проявлялась в деятельности Русского Географического общества на протяжении всего дореволюционного периода.

Большое значение для развития археологических и этнографических исследований в ре-

гионе сыграло созданное в 1863 г. Общество любителей естествознания при физико-математическом факультете Московского университета. В 1867 г. общество организовало Всероссийскую Этнографическую выставку, подготовка к которой активизировала работу по историческому и археологическому исследованию областей Кавказа. В этом же году при обществе был учрежден Этнографический отдел, инициатором создания которого выступил известный историк-славист, профессор Н. А. Попов. В отделе в разные годы работали известные историки С. М. Соловьев, Д. Н. Анучин, Ф. И. Буслаев, Е. В. Барсов; знаменитые востоковеды Ф. Е. Корш, М. В. Никольский, В. М. Михайловский, Д. И. Иловайский, А. Е. Крымский; кавказоведы Г. А. Халатьянц, Л. З. Мсерианц, Л. И. Назарьян, В. М. Папазян (исследователи армянской истории и культуры), А. С. Хаханов (Хаханашвили), Н. Л. Абаздзе (исследователи грузинской истории и культуры), М. И. Ткешелов (занимался изучением истории тюрок Азербайджана), И. Т. Собиев (изучал осетинскую историю и культуру), Н. Н. Харузин (занимался изучением истории чеченцев и ингушей), Б. В. Миллер (исследовал традиционную культуру татов и карачаевцев); филологи А. А. Шахматов, П. В. Шейн, В. Н. Добровольский, А. В. Марков; юристы, занимавшиеся изучением народного права – М. М. Ковалевский, С. А. Муромец, М. Н. Харузин. Этнографический отдел устраивал и «ученые экскурсии» своих членов в разные области Кавказа с целью изучения археологии, истории, религии, юридических обычаев в среде непосредственного бытования их носителей, демонстрируя на практике исследовательский прием – метод включенного наблюдения. Так, например, в Тифлисской и Кутаисской губерниях в 1895–1896, 1898–1899, 1901, 1902, 1908 гг. работал известный исследователь грузинской истории, культуры А. С. Хаханов. В 1899–1902 гг. в Карачае работал В. Ф. Миллер, собирал материалы по этнографии карачаевцев. В 1879 г. обществом была организована Антропологическая выставка, продемонстрировавшая современное состояние археологических и исторических исследований в России. На ней впервые были представлены древности Кавказа, собранные местным знатоком древностей, археологом-любителем Е. Д. Фелицыным.

В 1881 г. председателем Этнографического отдела был избран В. Ф. Миллер, с именем которого связано развитие кавказоведения второй половины XIX в. Его труды относятся к разным областям кавказоведения: истории,

этнографии, лингвистике, археологии, фольклористике, эпиграфике. Кавказовед, филолог, фольклорист, языковед, этнограф и археолог, он был одним из организаторов науки и востоковедного образования в России. С 1875 г. В. Ф. Миллер являлся также действительным членом Императорского Московского археологического общества, основателем и председателем его Восточной комиссии (с 1897 по 1911 гг.). Работа его в двух этих столичных научных обществах была связана с кавказской тематикой. В Этнографическом отделе В. Ф. Миллер занимался изучением устной традиции северокавказских народов, а в Восточной комиссии – кавказоведческими исследованиями. Он выступил организатором и координатором работы столичных и провинциальных исследователей (в т.ч. и представителей северокавказских народов) по изучению истории, археологии, языка, верований и устной традиции народов Северного Кавказа, тем самым определив на перспективу тематику и направления исследований в регионе.

Важное значение уделялось организации этнографических исследований на местах и изданию их результатов. Исследования осуществлялись по специальным программам. Так, например, в 1880 г. Управление Кавказского учебного округа в г. Тифлисе разработало специальную «Программу для собирания сведений о разных местностях Кавказа и племенах, населяющих оные» [37]. Основное внимание в ней уделялось сбору этнографических данных, сведений о различных сторонах духовной жизни народа, фиксации устной традиции. «Программа» была разослана во все учебные заведения вместе с «Циркулярным предложением Попечителя Кавказского учебного округа». Циркуляр предписывал организовать работу учителей и их воспитанников по сбору сведений, касающихся истории, религии, языка и культуры разных народов Кавказа [30]. Все собранные учителями материалы отправлялись в Этнографический отдел общества. В 1882 г. на страницах «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» была опубликована новая редакция «Программы», дополненная и ориентированная на изучение поверий, суеверных обычаев и обрядов кавказских народов. Автором ее был известный собиратель и исследователь фольклора России Г. Н. Потанин [36]. В 1889 г. Этнографический отдел разослал для работы на местах «Программу для собирания этнографических сведений», составленную Н. А. Янчуком [39], и «Программу для собирания сведений об юри-

дических обычаях», подготовленную М. Н. Харузиным [38]. Написанные доступным языком, с четко определенными целями и задачами, «Программы» успешно реализовывались энтузиастами, историками-любителями, учителями и служащими на местах.

С 1889 г. стал выходить журнал «Этнографическое обозрение» – периодическое издание Этнографического отдела общества – первый специализированный этнографический журнал в России. На его страницах печатались историко-этнографические очерки, посвященные осетинам и ингушам, народам Дагестана, обычаям и обрядам, устной традиции, народной музыке северокавказских народов.

Середина и вторая половина XIX в. связаны и с периодом становления системы ведущих археологических учреждений страны. На повестку дня выдвигалась систематизация материалов по формирующимся разделам археологии. Изменилось и представление исследователей об археологических источниках. Большое внимание уделяли не отдельным археологическим находкам, а «совокупности признаков» (археологическому комплексу). Систематическое археологическое обследование Северного Кавказа во второй половине XIX в. осуществляла Императорская Археологическая комиссия (ИАК), совмещавшая в себе научно-исследовательские, охранные и реставрационные функции.

В деятельности ИАК по изучению различных районов Кавказа и Предкавказья современные исследователи выделяют несколько этапов [26, с. 780]. Первый этап – 1859–1874 гг. – время, когда археологические исследования проводились только силами самих членов комиссии и преимущественно в двух регионах: на Таманском полуострове и в области войска Донского, изучались античные и скифские древности. На втором этапе – 1875–1885 гг. – активизируется деятельность комиссии в регионе в силу стабилизации политической обстановки, расширяется география археологических исследований, усиливается интерес к местным древностям. На этот период приходится и время работы в регионе Московского археологического общества (МАО), проведение V Археологического съезда в Тифлисе. Третий этап – 1886–1914 гг. – связан с новыми подходами в деятельности ИАК, систематическим археологическим изучением региона по специально разработанным программам. В поле зрения ученых попадает весь Кавказ, исследуются памятники большого хронологического и культурного диапазона, от каменного века до средневековья. На этом

этапе в изучение археологических памятников Северного Кавказа включаются местные исследователи.

Время работы комиссии на Кавказе совпало с рядом внешне- и внутривосточных событий, повлиявших на положение дел в регионе и ускоривших процесс его изучения. «Замирание» Кавказа способствовали введению на его территории общероссийской системы государственного управления. Согласно административно-территориальному делению в 1880-е гг. Северный Кавказ включал Кубанскую, Терскую, Дагестанскую области и Ставропольскую губернию. В рамках этих территорий и проводилась исследовательская деятельность членов комиссии А. А. Бобринского, Н. И. Веселовского, Н. П. Кондакова, Д. Я. Самоквасова, Н. Е. Макаренко, Н. Я. Марра, Э. А. Реслера и др. Так, например, «Открытый лист» в 1888 г. на проведение раскопок и обследование памятников на Кавказе был выдан А. А. Бобринскому, который представил в комиссию опись находок, найденных и купленных на Кавказе археологических предметов, рисунки находок и описание таблиц к ним [11]. В 1891 г. ему на проведение раскопок в пределах Таврической губернии, земли войска Донского, Кубанской, Терской областей было выделено 1500 руб. [15] За 1880 г. имеется донесение Н. П. Кондакова о раскопках в ст. Курчанской Кубанской области [5].

Императорская археологическая комиссия активно сотрудничала с представителями местной интеллигенции, которым выдавала «Открытые листы» на проведение археологических исследований, поддерживая данное направление в деятельности провинциальных учреждений и научных обществ. Главными критериями, которыми руководствовалась ИАК при выдаче «Открытого листа» и денежных средств на раскопки, были научное имя заявителя и его известность. Так, например, сотнику Нестерову были разрешены раскопки в пределах северной части Кубанской области 5 курганов, а Ф. Г. Николаевскому – в пределах Гостгаевской и Варениковской станиц Кубанской области при непосредственном наблюдении есаула Е. Д. Фелицына [13]. Среди тех, кому выдали «Открытые листы», были П. И. Хицунов (получил в 1869 г. на раскопки древнего городища близ ст. Елизаветовской) [1], преподаватель Владикавказского реального училища В. И. Долбежев (получил в 1886–1888, 1891, 1897 гг. на исследование старинных могильников и городищ в Терской области [7;8;9;10;12, с.1–11; 14; 17], в 1898 г. – на раскопки в районе строящейся Дербентской ветки Владикавказ-

ской железной дороги в Сунженском отделе Терской области [19], в 1902 г. – на раскопки в районе Грозненского округа Терской области [21], в 1904 г. – на раскопки в пределах Владикавказского округа Терской области) [22]. В архиве ИАК хранятся рукописи В. И. Долбежева «Археологические изыскания в Кавказских горах в 1886 г. по поручению Императорской Археологической Комиссии», «О раскопках во Владикавказском округе Терской области, в Джейраховском ущелье», «Археологические раскопки близ станции ж/д Кая-Кент Дагестанской области по поручению Императорской Археологической Комиссии», «Археологические раскопки в Малой Кабарде Терской области по поручению Императорской Археологической Комиссии». В 1896 г. раскопки на частных землях в Нальчикском округе Терской области по поручению ИАК проводил художник И. А. Владимиров. В 1898 г. он работал во Владикавказском и Нальчикском округах Терской области, в 1899 г. – в Баталпашинском отделе Кубанской области [16;18;20]. В архиве комиссии сохранились его рукописи «Раскопки на Песчанке» с планом местности, рисунками находок и могил; «Раскопки у древнего Сентинского храма» с планом местности, планами и рисунками мавзолея, старинного храма, рисунками типов могильных сооружений, планом развалин старинного храма у р. Амгаты; «Древний христианский храм близ аула Сенты Кубанской области на р. Теберде» с рисунками и описанием древнего Сентинского храма, фотографиями остатков живописи храма и находок. Часть из них была опубликована в «Известиях Императорской археологической комиссии» [23; 24].

С целью изучения и сохранения памятников древности в 1871 г. при участии Археологической комиссии в Тифлисе был образован Кавказский археологический комитет, в 1873 г. преобразованный в Тифлисское общество любителей кавказской археологии. С ноября 1872 г. стал издаваться журнал «Кавказская старина», издателем которого был известный кавказский археолог А. Д. Ерицов (Ерицян).

В целом деятельность Археологической комиссии была направлена главным образом на накопление материалов по археологии, древней истории кавказских народов и охрану памятников древности. Аналитическое осмысление добытого археологического материала происходило позже. Накопленный членами комиссии материал стал базой для создания первых схем периодизации археологических культур Северного Кавказа. В их основу были положены археологические памятники, откры-

тые членами и сотрудниками АК: Н. И. Веселовским, Д. Я. Самоквасовым, В. М. Сысоевым, В. Р. Апухтиным, В. И. Долбежеевым, Е. Д. Фелицыным. Среди них Майкопский курган и гробницы у ст. Новосвободной, раскопанные Н. И. Веселовским и давшие возможность рассматривать сегодня на Северо-Западном Кавказе майкопско-новосвободненскую культурно-историческую общность. Полевые исследования Н. И. Веселовского на территории Кубанской области позволили выделить скифскую и белореченскую культуры средневековых кочевников. Изучение мегалитических памятников Е. Д. Фелицыным подготовило почву для выделения дольменной культуры Западного Кавказа. Выдающиеся советские археологи Е. И. Крупнов и В. И. Марковин при характеристике северокавказской культуры бронзового века опирались на материалы и музейные коллекции, собранные сотрудниками ИАК.

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. изучением Северного Кавказа начинает активно заниматься Московское археологическое общество (МАО), главной целью которого было объединение и сплочение местных исследователей, организация исторических, археологических и этнографических исследований в провинции. Общество активно сотрудничало с провинциальными научными обществами, которые независимо от своей специфики решали задачи изучения края. Через их деятельность МАО вовлекало в научные исследования местную интеллигенцию. Основное место в эффективной системе индивидуальной работы с провинциальными исследователями отводилось Всероссийским Археологическим съездам.

Ключевую роль в развитии исторических исследований на Северном Кавказе сыграл V (Тифлиссский) Археологический съезд (1881 г.), вызвавший научный и общественный интерес к региону, положивший начало систематическому изучению края, наметивший задачи и перспективы развития кавказоведения вплоть до наших дней. Работы, выполненные в ходе подготовки к съезду и после него, стали классическими для кавказской археологии. В марте 1878 г. при МАО под председательством А. С. Уварова был образован Подготовительный комитет съезда [4]. Он состоял из наиболее авторитетных членов научных обществ Москвы и Санкт-Петербурга и осуществлял всю подготовительную работу к съезду. С деятельности этого комитета и начинается систематическое изучение древностей Кавказа, развернувшееся по трем основным направлениям: 1) организация и проведение научных экспедиций; 2) участие

представителей местной интеллигенции и местных жителей в сборе сведений о памятниках археологии и их охране; 3) обработка и издание собранного археологического материала. Впервые были проведены такие многочисленные и широкомасштабные экспедиционные работы до съезда, «давшие богатые результаты» [34, с. 17–50]. Наряду с археологическими выставками и экскурсиями предварительные экспедиционные работы стали после этого съезда составной частью программ российских Археологических съездов.

В октябре 1879 г. в Тифлисе начал работу Тифлиссский предварительный комитет по подготовке к V Археологическому съезду [3]. Он был сформирован на базе Кавказского отделения РГО. Председателем комитета был избран начальник военно-народного управления генерал А. В. Комаров, секретарем стал Е. Г. Вейденбаум. В комитет вошли люди, интересующиеся историей и археологией, представители местной интеллигенции: Ф. С. Байерн, Д. З. Бакрадзе, А. П. Берже, князь С. Н. Трубецкой, князь Д. Д. Джорджадзе, А. Д. Ерицов, Ю. П. Проценко, В. Н. Вырубов и др. [34, с. 53] Комитет выработал программу своей деятельности, которая в основном совпадала с предложенными отделениями на съезде и предполагала экспедиционные исследования на Северном Кавказе и в Закавказье [41]. Через обращения в средствах массовой информации комитет приглашал к участию в своих занятиях всех лиц, живущих в крае и желающих принять участие в подготовке и работе V Археологического съезда. К исследованиям привлекались члены губернских и областных северокавказских статистических комитетов и различных научных обществ. Кроме того, решено было ввести в программу занятий комитета этнографические исследования. На этом основании предлагалось собирать в ходе археологических экспедиций и специальных экскурсий образцы современной одежды, головных уборов, женских украшений, домашней утвари, музыкальных инструментов и стараться проследить остатки старины в современных нравах, обычаях, легендах, преданиях и песнях.

В организации и проведении исследований к съезду приняли деятельное участие известные ученые России: В. Б. Антонович, И. С. Поляков, Ф. С. Байерн, Д. З. Бакрадзе, А. В. Комаров, А. П. Берже, В. Л. Бернштам, И. Т. Беленький, К. И. Ольшевский, В. Ф. Миллер, И. Е. Забелин, А. Д. Ерицов, Д. Я. Самоквасов, Н. О. Эмин, И. Д. Мансветов, Г. Е. Церетели, Л. П. Загурский и др. Огромный вклад в организацию съезда внес председатель МАО граф А. С. Уваров. Он

провел на Кавказе лето и осень 1879, 1880 и 1881 гг., побывал в Кобани и Мцхете, руководил там раскопками, разрабатывал программы научных исследований и экспедиций, совершил поездку на раскопки Д. Я. Самоковсова в Пятигорск, посетил в ставропольских степях курганные экспедиции, побывал в Дагестане, Армении, Кутаиси и других местах Кавказа [31; 32; 33; 35]. В период подготовки V Археологического съезда систематические обследования археологических памятников в районе Верхнего Прикубанья проводил Е. Д. Фелицын, несколько позже В. М. Сысоев, А. Н. Дьячков-Тарасов, Д. М. Струков, И. А. Владимиров.

Результаты подготовительных работ к V АС были опубликованы в объемистом томе «Трудов», изданном под редакцией И. Д. Мансветова в 1882 г. [42]. Особый интерес представляют разнообразные Программы исследований (Н. В. Султанова, Ю. Д. Филимонова, В. Г. Тизенгаузена, Л. К. Ивановского, Л. П. Загурского, Н. О. Эмина, В. Ф. Миллера, проф. Шуровского и А. И. Кельсиева). Этим взаимосвязанным программам и были подчинены исследования, охватившие различные разделы археологии, антропологии, лингвистики, этнографии, изучение архитектурных памятников и памятников письменности Кавказа.

Во время работ V Археологического съезда особенно ярко проявилась связь археологических и лингвистических исследований. Заслуга в этом – языковед, этнограф, археолог, профессора В. Ф. Миллера. Итогом его трудов стали известные «Осетинские этюды» (1881–1887, ч. 1–3). В них анализируется большой лингвистический, исторический и топонимический материал. Одной из задач лингвистических программ было «восстановление культуры горских народов из их языка». Именно этот методический подход стал спустя десятилетия основой «нового учения о языке» Н. Я. Марра.

Среди тем, обсуждавшихся на съезде, была и проблема создания для горских бесписьменных языков алфавитов на русской основе, обозначенная в специальном докладе Л. П. Загурского. Подобные задачи научных исследований понимались как составная процесса интеграции местных народов в имперское пространство в новых политических условиях. Л. П. Загурский, подчеркивая значение развития горской письменности и просвещения для становления на-

циональной культуры горских народов, говорил о необходимости создания сети школ для молодежи с преподаванием на родном языке: «Тогда на долю молодых людей – помощников исследователей горских языков – выпадет завидная роль быть первыми распространителями среди своих соотечественников образования, долженствующего связать их тесными нравственными узами с обширным Отечеством, и сделать то, чего до сих пор не смогли сделать ни штыки, ни ссылки» [43, с. 7–10].

Тифлисский Археологический съезд не только ознаменовал собой становление кавказской археологии, но и положил начало систематическому изучению Северного Кавказа, способствовал развитию исторических, этнографических и лингвистических исследований. Съездом были намечены перспективы дальнейшего научного изучения региона, которое должно было проводиться согласно специально разработанной программе исследования Кавказа. Разработка программы была начата специальной комиссией съезда, а в 1888 г. МАО по материалам съезда приняло «Программу для исследования древностей Кавказа». Она предусматривала изучение памятников: первобытных, языческих и классических, христианских, мусульманских, памятников искусств и художеств, письма и языка, а также проведение исследований по лингвистике, исторической географии и этнографии [40]. Программа была распространена среди местной интеллигенции (учителей, врачей, административных властей, чиновников, представителей духовенства) и должна была объединить усилия по сбору сведений о памятниках древности. Впоследствии к осуществлению этой программы присоединилась и Археологическая комиссия, начав планомерное археологическое обследование Кавказа.

Европейская светская практика изучения Северного Кавказа к началу XX в. значительно потеснила в регионе теологическую исламскую (существующую в основном на территории Дагестана) традицию историописания и локальные практики рассказов о прошлом. Изучение Северного Кавказа в XIX – начале XX в. силами столичных научных учреждений способствовало складыванию местной – европейско-русской традиции историописания в регионе. Этот процесс мы рассмотрим в следующей статье.

Источники и литература

1. Архив Института истории материальной культуры РАН (далее – Архив ИИМК РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. 1869 г.
2. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. 1872 г.
3. Архив ИИМК РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 17. 1879 г.

4. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. 1879 г.
5. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. 1880 г.
6. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. 1886 г.
7. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. 1886 г.
8. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67. 1886 г.
9. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. 1887 г.
10. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. 1888 г.
11. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 64. 1888 г.
12. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. 1889 г.
13. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. 1889 г.
14. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. 1891 г.
15. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. 1891 г.
16. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215. 1896 г.
17. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. 1897 г.
18. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 40. 1898 г.
19. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. 1898 г.
20. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102. 1899 г.
21. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. 1901 г.
22. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. 1904 г.
23. Владимиров И. А. Развалины старинного храма близ речки Амгаты // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.: [б.и.], 1901. Вып. 1. С. 104-106.
24. Владимиров И. А. Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.: [б.и.], 1902. Вып. 4. С. 1-14.
25. Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Вып. 1-3. Пг.: [б.и.], 1913-1916.
26. Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Булавин, 2009. 1191 с.
27. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т.д. / пер. с англ. К. А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 318 с.
28. Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России // Кавказский этнографический сборник. М.: АН СССР, 1976. Т. VI. С. 3-10.
29. Люлье Л. Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: черкесами (адиге), абхазами // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. 4. Тифлис: Типография канцелярии Наместника Кавказского, 1857. С. 173-193.
30. О доставлении в управление округа г. учителями и другими служащими в учебных заведениях сведений, касающихся разных местностей Кавказа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1900. Вып. 27. С. 1-24.
31. Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 251.
32. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 257.
33. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 266.
34. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 626.
35. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 644.
36. Потанин Г. Н. Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1882. Вып. 2. Отд. 1. С. 5-17.
37. Программа для собирания сведений о разных местностях Кавказа и племенах, населяющих оные // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1881. Вып. 1. С. 1-16.
38. Программа для собирания сведений об юридических обычаях, составленная секретарем Отдела этнографии при ИОЛЕАиЭ д.ч. М. Н. Харузиным на основании доставленного в Отдел этнографии материала гг. Е. Н. Якушкиным, проф. М. М. Ковалевским, К. А. Шапошниковым, М. Н. Харузиным, Н. Н. Харузиным, П. С. Ефименко, П. А. Матвеевым, П. А. Соколовским, А. И. Кистьяковской, И. Я. Лудмером, проф. Фойницким и П. М. Дашкевичем. М.: Типография Е. Г. Потапова, 1887. 365 с.
39. Программа для собирания этнографических сведений, составленная при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Н. А. Янчуком. М.: [б.и.], 1889. 147 с.
40. Программа для исследования древностей Кавказа, составленная Московским археологическим обществом // Древности. Труды Московского Археологического общества. М. [б.и.], 1889. Т. 13. Вып. 1. С. 1-20.
41. Проект Программы для исследования древности на Кавказе, составленный Тифлиским Предварительным комитетом // V Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета, изданные под ред. секретаря комитета И. Д. Мансветова. М.: Синодальная типография, 1879. С. 70-81.
42. V Археологический съезд в Тифлисе 1881 г. Труды Предварительных комитетов / под ред. И. Д. Мансветова. М. [б.и.], 1882. 621 с.
43. Труды V Археологического съезда в Тифлисе / под ред. графини П. С. Уваровой. М.: Типография А. И. Мамонтова и К, 1887. 411 с.

44. Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис: Кавказское военно-народное управление, 1881. 581 с.
45. Услар П. К. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. Вып. III. Отд. IV. С.1–14.

References

1. Archive of the Institute of the History of Material Culture, RAS (later – Arhiv IIMK RAN). F. 1. Inv. 1. D. 10. 1869. (In Russian).
2. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 32. 1872. (In Russian).
3. Arhiv IIMK RAN. F. 4. Inv. 1. D. 17. 1879. (In Russian).
4. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 35. 1879. (In Russian).
5. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 11. 1880. (In Russian).
6. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 6. 1886. (In Russian).
7. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 20. 1886. (In Russian).
8. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 67. 1886. (In Russian).
9. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 18. 1887. (In Russian).
10. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 12. 1888. (In Russian).
11. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 64. 1888. (In Russian).
12. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 16. 1889. (In Russian).
13. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 84. 1889. (In Russian).
14. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 13. 1891. (In Russian).
15. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 53. 1891. (In Russian).
16. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 215. 1896. (In Russian).
17. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 137. 1897. (In Russian).
18. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 40. 1898. (In Russian).
19. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 45. 1898. (In Russian).
20. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 102. 1899. (In Russian).
21. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 36. 1901. (In Russian).
22. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 72. 1904. (In Russian).
23. Vladimirov I. A. Razvaliny starinnogo hrama bliz rečki Amgaty (*Ruins of an ancient temple near the Amgata river*) // Izvestija Imperatorskoj Arheologicheskoi komissii. St.Petersburg: [b.i.], 1901. Issue. 1. P. 104–106. (In Russian).
24. Vladimirov I. A. Drevnij hristianskij hram bliz auly Senty v Kubanskoj oblasti (*Ancient Christian temple near the village of Senty in the Kuban region*) // Izvestija Imperatorskoj Arheologicheskoi komissii. St.Petersburg: [b.i.], 1902. Issue. 4. P. 1–14.
25. Zelenin D. K. Opisanie rukopisej uchenogo arhiva Russkogo geograficheskogo obshhestva. Issue. 1–3. Petrograd: [b.i.], 1913–1916. (In Russian).
26. Imperatorskaja Arheologicheskaja Komissija (1859–1917): K 150-letiju so dnja osnovanija. U istokov otechestvennoj arheologii i ohrany kul'turnogo nasledija (*The Imperial Archaeological Commission (1859–1917): On the 150th anniversary of the foundation. At the origins of domestic archeology and protection of cultural heritage*) / ed by A. E. Musin; E. N. Nosova. St.Petersburg: Dmitrij Bulavin, 2009. 1191 p. (In Russian).
27. Klaprot Ju. Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godah po prikazaniu russkogo pravitel'stva Juliusom fon Klaprotom, pridvornym sovetnikom Ego Velichestva imperatora Rossii, chlenom Akademii Sankt-Peterburga i t.d. (*Description of travels in the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808 at the behest of the Russian government by Julius von Klaproth, court counselor of His Majesty the Emperor of Russia, member of the Academy of St. Petersburg, etc.*) / translated by K. A. Mal'bahov. Nal'chik: Jel'-Fa, 2008. 318 p. (In Russian).
28. Lavrov L. I. K 250-letiju akademicheskogo kavkazovedenija v Rossii To the 250th anniversary of academic Caucasian studies in Russia // Kavkazskij jetnograficheskij sbornik (*Caucasian ethnographic collection*). Moscow: SAUSSR, 1976. Vol. VI. P. 3–10. (In Russian).
29. Ljul'e L. Ja. Obshhij vzgljad na strany, zanimajemye gorskimi narodami, nazyvaemyi: cherkesami (adige), abkhazami (A general view of the countries occupied by the mountain peoples, called: Circassians (Adyghe), Abkhazians) // Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshhestva (*Notes of the Caucasus Department of the Imperial Russian Geographical Society*). Book. 4. Tiflis: Typography of the Office of the Viceroy of the Caucasus, 1857. P. 173–193. (In Russian).
30. O dostavlenii v upravlenie okruga g. uchiteljami i drugimi sluzhashchimi v uchebnyh zavedenijah svedenij, kasajushchih raznyh mestnostej Kavkaza (*On the delivery to the administration of the district by teachers and other employees in educational institutions of information concerning different localities of the Caucasus*) // Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza (*A collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus*). Tiflis: The printing house of the Chief Directorate of the Viceroy of the Caucasian, 1900. Issue. 27. P.1–24. (In Russian).
31. The Department of Written Sources of the State Historical Museum (OPI GIM). F. 17. Inv. 1. D. 251. (In Russian).
32. OPI GIM. F. 17. Inv. 1. D. 257. (In Russian).
33. OPI GIM. F. 17. Inv. 1. D. 266. (In Russian).
34. OPI GIM. F. 17. Inv. 1. D. 626. (In Russian).
35. OPI GIM. F. 17. Inv. 1. D. 644. (In Russian).
36. Potanin G. N. Neskol'ko voprosov po izuchению poverij, skazanij, suevernyh obyčaev i obrjadov (*Several questions on the study of beliefs, legends, superstitious customs and rituals*) // Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza (*A collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus*). Issue. 2. Part. 1. Tiflis: Tipografija Glavnogo upravlenija Namestnika Kavkazskogo, 1882. P. 5–17. (In Russian).
37. Programma dlja sobiranija svedenij o raznyh mestnostjah Kavkaza i plemenah, naseljavushchih onye (*The program for collecting information about different localities of the Caucasus and the tribes inhabiting them*) // Sbornik materialov dlja

opisanija mestnostej i plemen Kavkaza (*A collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus*). Tiflis: The printing house of the Chief Directorate of the Viceroy of the Caucasian, 1881. Issue. 1. P. 1–16. (In Russian).

38. Programma dlja sobiranja svedenij ob juridicheskikh obyčajah, sostavlenaja sekretarem Otdela jetnografii pri IOLEA d.ch. M. N. Haruzinym na osnovanii dostavlenogo v Otdel jetnografii materiala gg. E. N. Jakushkinym, prof. M. M. Kovalevskim, K. A. Shaposhnikovym, M. N. Haruzinym, N. N. Haruzinym, P. S. Efimenko, P. A. Matveevym, P. A. Sokolovskim, A. I. Kistjakovskoj, I. Ja. Ludmerom, prof. Fojnickim i P. M. Dashkevichem (*The program for collecting information on legal customs, compiled by the secretary of the Department of Ethnography at IOLEA d.ch. M. N. Kharuzin on the basis of the materials delivered to the Department of Ethnography gg. E. N. Yakushkin, prof. M. M. Kovalevsky, K. A. Shaposhnikovym, M. N. Kharuzin, N. N. Kharuzin, P. S. Efimenko, P. A. Matveyev, P. A. Sokolovsky, A. I. Kistyakovskoy, I. Ya. Ludmere, prof. Foinitzky and P. M. Dashkevich*). Moscow: E. G. Potapov's printing office, 1887. 365 p. (In Russian).

39. Programma dlja sobiranja jetnograficheskikh svedenij, sostavlenaja pri Jetnograficheskom otdele Obshhestva ljubitelej estestvoznaniya, antropologii i jetnografii N. A. Janchukom (*The program for collecting ethnographic information, compiled at the Ethnographic Department of the Society of Lovers of Natural History, Anthropology and Ethnography N. A. Yanchuk*). Moscow, 1889. 147 p. (In Russian).

40. Programma dlja issledovaniya drevnostej Kavkaza, sostavlenaja Moskovskim arheologicheskim obshhestvom (*The program for the study of the antiquities of the Caucasus, compiled by the Moscow Archaeological Society*) // Drevnosti. Trudy Moskovskogo Arheologicheskogo obshhestva. Moscow, 1889. Vol. 13. Issue. 1. P. 1–20. (In Russian).

41. Proekt Programmy dlja issledovaniya drevnosti na Kavkaze, sostavlenyj Tiflisskim Predvaritel'nym komitetom (*The draft program for the study of antiquity in the Caucasus, compiled by the Tiflis Preliminary Committee*) // V Arheologicheskij s#ezd v Tiflise. Protokoly podgotovitel'nogo komiteta, izdannye pod red. sekretarja komiteta I. D. Mansvetova (*In the Archaeological Museum in Tiflis. Protocols of the Preparatory Committee, edition edited by secretary of the committee I. D. Mansvetova*). Moscow: Sinod printing office, 1879. P. 70–81. (In Russian).

42. V Arheologicheskij s#ezd v Tiflise 1881 g. Trudy Predvaritel'nyh komitetov (*In the Archaeological Museum in Tiflis 1881. Proceedings of the Preliminary Committees*) / ed by I. D. Mansvetova. Moscow: Sinod printing office, 1882. 621 p. (In Russian).

43. Trudy V Arheologicheskogo s#ezda v Tiflise (*Proceedings of V Arheological congress in Tiflis*) / ed by P. S. Uvarova. Moscow: A. I. Mamontova and K, 1887. 411 p. (In Russian).

44. Uslar P. K. Drevnejšie skazaniya o Kavkaze (*The oldest legends about the Caucasus*). Tiflis: Caucasian military-popular administration, 1881. 581 p. (In Russian).

45. Uslar P. K. O rasprostranenii gramotnosti mezhdu gorcami (*On the spread of literacy among the mountaineers*) // Sbornik svedenij o kavkazskikh gorcah (*Collection of information about the Caucasian mountaineers*). Tiflis: The printing house of the Chief Directorate of the Viceroy of the Caucasian, 1870. Issue. III. Part. IV. P. 1–14. (In Russian).